

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

П. В. ЕРНШТЕДТ

К ДЕТЕРМИНАЦИИ В КОПТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В коптской грамматике категориями, тесно связанными с категорией детерминации, представляются следующие: глагольное управление; системы времен презентическая и непрезентическая; именное управление; предикативность; отрицание; отдельные типы предложения, устанавливаемые по признаку принадлежности сказуемого к той или другой части речи; определительное предложение.

Если к этому перечню я прибавлю сложно-подчиненное предложение в той его разновидности, в которой участвует определительное придаточное, то целью настоящей статьи окажется показ обнаруженной мною возможности связать категорию детерминации с названной разновидностью сложно-подчиненного предложения еще по-новому — со стороны согласования в роде, а тем самым и с категорией рода.

Статья возникла в результате одного наблюдения в области употребления неопределенного артикля в текстах Шенуте,² причем самая форма здесь своеобразно замешана. Поэтому несколько слов о ней. Есть две формы, по одной для каждого из чисел. Форма ед. ч. гласит *y*, форма мн. ч. — *хен*. Этимологически обе они являются редуцированными в проклизе формами слов более полного звукового состава, причем эти нередуцированные экспираторно самодовлеющие слова продолжают существовать в свою очередь в ед. ч. в виде форм *yà* (м. р.) и *yì* (ж. р.), а во мн. ч. в виде обоего рода формы *хойне*. Значения у тех и других приблизительно следующие:

yà, yì

- 1) числительное 'один', 'одна' без исчисляемого,
- 2) 'некто одно', 'некто единое' (м. р. и ж. р.),
- 3) 'некто' ('некий мужчина', 'некая женщина'),
- 4) 'таковой' — субстантивный анафорический субститут.

¹ К передаче коптского текста здесь применена русская гражданская азбука. Это не вызовет затруднений, поскольку статья преследует цели только синтаксического исследования.

В статье применены следующие сокращения:

- НА — неопределенный артикль;
 П — предложение;
 Т — тип;
 ИТ — именной тип;
 ПИТ — предложение именного типа;
 БепИТ — бессвязочное предложение именного типа;
 ОП — определительное предложение;
 ОПВет — определительное предложение вербального типа.

² При цитации пользуюсь сокращениями: Шен. Лейп. — *Sinuthii archimandritae vita et opera omnia edidit J. Leipoldt, III, IV; Шен. Амел.* — *Oeuvres de Schenoudi, texte copte et trad. française par E. Amélineau l. 2.*

хойне

1) 'несколько человек', 'некоторые (люди)' — неопределенная количественность.

2) 'некие люди' — неопределенная предметность.

3) 'таковые' — субстантивно-местоименное сказуемое ПИТ, анафорическое по отношению к знаменательно-субстантивному сказуемому же.

Проклитические формы обоего рода:

у

1) числительное 'один, одна' при исчисляемом,

2) 'некий', 'один' (НА) — в сочинении,

3) единичный представитель, 'некто', 'таковой' — в подчинении.

хен

1) 'несколько' (любых предметов, не только одушевленных), 'некоторое количество';

2) 'некие' (НА мн. ч.)

3) 'представители', 'таковые' } перед определением.

Употребление *хойне* в качестве анафорического субстантивно-местоименного предикатива представляет собою редкость, и его обычно заменяет соединение формы НА *хен* с существительным. В связи с этим О. Э. Лем в своей статье „Ein eigenthümlicher Gebrauch von hoine“¹ отмечает и документирует тот поразивший его факт, что *хойне* 'некоторые' иногда встречается в смысле нашего предикатного 'таковые'.

Я поведу речь об особом употреблении только проклитичных форм *у* и *хен* перед голыми единичными лексемами имен,² при котором форма сочетания ничем не отлична от формы тех нормальных сочетаний НА с именем, которые послужили коптологам-грамматистам основанием к приравнению коптской категории НА к сочетаниям из НА + имя в западноевропейских языках.

Но я буду говорить об иной внутренней форме, принципиально сходной с той, которая наблюдается в случаях, также приводимых в грамматиках и привлекаемых ниже, — употребления проклитичных форм *у* и *хен* перед атрибутивными словосочетаниями, отличающимися детерминацией отнюдь не нулевой. В последних мы явно имеем дело первоначально не с сочинительно-определятельной ролью НА по отношению к имени, а с соотношением подчинительно-определятельным, при котором функция определения присуща комплексу или слову, префиксуемому артиклем.

Средой вновь наблюдаемого особого в указанном сейчас смысле употребления форм *у* и *хен* является БеПИТ, в частности та его разновидность, для которой характерна принципиальная необязательность совпадения в роде между именем сказуемого и энклитическим лично-местоименным подлежащим.

В порядке пояснения для неспециалистов замечу, что оформление сказуемого ПИТ без которого-нибудь из двух артиклей, определенного или неопределенного, не допускается. Определенный, дифференцированный по роду, неизменно согласуется с префиксуемым им именем. Относи-

¹ O. Lemm. Kleine koptische Studien. VII. Изв. Ак. Наук, 1899, май, т. 10, № 5, стр. 414 и сл.

² Случай единичных лексем имен является только основным или типичным для префиксации НА и (ОА); мое наблюдение не имеет дела с другими случаями, из которых при одном мы имеем атрибутивную группу, а при другом субстантивное предложное сочетание.

тельно НА, имеющего общие для обоих родов формы, вопрос о согласовании с префиксуемым как, видимо, в синхронном плане грамматически беспредметный никогда и не возникал. Сообразно с этим, при констатации расхождения или же совпадения в роде главных членов БеПИТ (как и всякого ПИГ) естественно всегда приходилось иметь в виду момент рода в лексической характеристике того имени, которое вместе с артиклем составляло сказуемое. И вот при этом-то положении дела внимание автора было приковано фактами, говорившими, несмотря на вышеупомянутое отсутствие у неопределенного артикля морфологических показателей рода, о том, что НА играл в известных условиях роль, не идущую в отношении согласования в ногу с ролью им префиксуемого имени.

Эти условия оказались наличествующими, точнее, в таком БеПИТ, которое осложнено присутствием ОПВеТ, определяющего сказуемое, причем эвристически „зрячим“ оказывается только тот из вышепредусмотренных случаев отсутствия принципиального согласования главных членов, который выражается в фактическом различии их рода, в то время как случай фактического совпадения рода непрозрачен в отношении динамики согласования и, одинаково с простым БеПИТ, неспособен что-либо обнаружить из подоплеки НА.

Материал со сложно-подчиненными БеПИТ указанного только что состава обнаружен в пределах нескольких страниц связного текста Шенуте и состоит из пятнадцати предложений, читаемых в славословии в честь богородицы среди длиннейшей серии простых БеПИТ. Материал этот однократно в том отношении, что он иллюстрирует только один из двух мыслимых и, несомненно, существовавших случаев распределения рода в неравнородных БеПИТ, а именно случай: подлежащее — ж. р., сказуемое — м. р. В параллельном и одинаково стилизованном, но значительно более кратком, славословии на Иисуса Христа, там же, все БеПИТ оказываются простыми, и ввиду этого пока приходится удовольствоваться бесспорным постулатом о существовании коррелятного случая (подлежащее — м. р., сказуемое — ж. р.) и попытаться в будущем восполнить пробел путем дальнейших поисков, или, если я ничего не пропустил, с помощью новых источников.

После всего сказанного, я могу приступить к показу примеров и их комментированию, чтобы затем перейти к формулировке вытекающего из них положения и подкреплению его столь же характерными, но, в большинстве своем, менее яркими фактами в основном того же порядка.

ПРИМЕРЫ ОП В СОСТАВЕ БеПИТ ИЗ ТЕКСТОВ ШЕНУТЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Подчиняющее П, как оговорено выше, относится к БеПИТ. Этот тип имеет в качестве подлежащего всегда личное местоимение. Те случаи, когда в качестве такого подлежащего выступают 1-е и 2-е лица личного (в этих лицах всегда абсолютного) местоимения, в материале (поскольку он годен для нового освещения неопределенного артикля) не представлены. Мы имеем дело только с 3-м лицом в качестве подлежащего. Местоимение 3-го лица имеет формы: *ле* — для мужского рода единственного числа, *те* — для женского рода единственного числа и *не* — для множественного числа обоего рода. Эта форма местоимения 3-го лица как подлежащее БеПИТ всегда следует за именным сказуемым и является энклитикой.

В отношении распространенного и сложно-подчиненного БеПИТ следует иметь в виду, что энклитики (*ле, те, не*) отличаются тенденцией стоять поближе к именному сказуемому: они либо следуют за именем сказуемого непосредственно, либо пропускают между ним и собой один экспираторный комплекс.

Если существительное-сказуемое имеет не меньше двух определений, из которых первое состоит из одного экспираторного комплекса, а второе — из нескольких, то до энклитики пропускается только первое, а второе следует за энклитикой.

Если многокомплексное определение к сказуемому является единственным, то оно не прерывается энклитикой, а целиком следует за ней. В приводимых примерах с наличием ОП в качестве единственного или второго определения представлены оба названные случая. В единственном примере однокompлексного ОП в роли единственного определения имеет место нормальная согласно вышеизложенному постановка данного ОП перед энклитикой. Аффиксами (= субъектными префиксами и объектными, а также предложнорекционными, суффиксами) согласования в ОПВеТ являются в единственном числе морфемы: *ϕ* для м. р. и *с* для ж. р.

Оговорка. Коптское ОП в данном его оформлении, в котором оно облуживает случаи слабой (и нулевой) детерминации определяемого имени, является трояким омонимом, если его брать вне контекста. Из других омонимов один для интерпретации отпадает полностью, поскольку он фунгирует только как главное предложение. Второй из существующих омонимов, который обозначал бы обстоятельственную подчиненность данного придаточного предложения, мог бы послужить основанием к попытке оспорить на нашем материале понимание многокомплексных определений как ОП, если бы это не возбранялось явным параллелизмом между случаями многокомплексности и единственным случаем однокompлексного придаточного предложения (см. ниже пример Шенуте, изд. Лейпольдт 3.61.14); дело в том, что положение последнего перед энклитикой уже формально исключает толкование в смысле сопровождающей обстоятельственности. Опровергается это последнее толкование также анализом смыслового контекста в части примеров.

Обращаясь к показу примеров, я и выдвигаю на первые места те из них, в которых смысловой контекст сразу же исключает (альтернативное в силу упомянутой омонимии) толкование придаточного П не в смысле ОП. На первых этих примерах указываю при помощи стрелок первоначальное направление динамики согласования от его индукентов к его объектам-результатам.

1. Шен. Лейп. 3.60.19 = Шен. Амел. 1.361.7:¹ *у-ночн-роме-те, ебол*

↓
'че у-патриархес-те е-с-о н-йот н-уон ним ет-щине нса-п-нуте 'она —

↑
старец (великий человек), ибо 'она — патриарх, являющийся отцом всех, кто ищет Бога'. В целях пояснения способа согласования прибегаю к следующему переводу-комментарию, составляющему попытку с помощью русских языковых средств возможно ближе подойти к адекватной передаче роли до-коптского прецедента неопределенного артикля как одновременно, в данных условиях, и объекта согласования и индукента такового: 'ибо она — единичная представительница (от категории) „патриарх“, являющаяся отцом всех' и т. д.

¹ Страницы 358—364 первого тома издания Амелино по типографской оплошности пагинированы ошибочно 558—564, что здесь исправлено.

2. Шен. Лейп. 3.61.14 = Шен. Амел. 1.362.11: $\overbrace{y-xetnos \ e-c-yaab-te}^{\uparrow}$

‘она — святой народ’, ‘она — святая единица категории „народ“’ (нашему прилагательному „святой“ по-коптски отвечает ОП, дословно означающее „который чист“).

В дальнейших примерах я ограничиваюсь во избежание ненужного, как мне кажется, повторения все того же приема пояснения при помощи стрелок и более близкого перевода тем, что снабжаю пометкой „м. р.“ русский перевод знаменательного существительного сказуемого БеПИТ, а пометкой „ж. р.“ русское относительное местоимение или окончание русского причастия, передающего префикс глагола ОП и другие аффиксы согласования.

3. Шен. Лейп. 3.58.2 = Шен. Амел. 1.357.2:

y-ooxen-esoу-te e-c-na exun хитн-у-ро аю е-с-неу ебол хитн-у-ро ‘она стадо (м. р.) овец, входящее (ж. р.) через дверь и выходящее (ж. р.) через дверь.’

4. Шен. Лейп. 3.58.3 = Шен. Амел. 1.357.4:

y-шос-те, ере-у-оохе н-есоу сотм е-те-с-сме ‘она — пастух (м. р.), голосу которого (ж. р.) внемлет стадо овец.’

Сходно 3.59.18 = Шен. Амел. 1.359.9

y-шос-те, е-с-мооше н-хен-роме хм-п-с-шаче ‘она — пастух (м. р.), пасущий (ж. р.) людей своим (ж. р.) словом’.

5. Шен. Лейп. 3.58.4 = Шен. Амел. 1.357.4:

палин он у-оохе н-есоу-те е-с-сотм е-те-сме н-у-шос у-хие-те ере-н-роме мооше нхет-с ‘и в то же время она — стадо (м. р.) овец, внемлющее (ж. р.) голосу пастуха: она — путь (ж. р.), по которому (ж. р.) идут люди’.

Второе из содержащихся в этом примере предложений наглядно показывает, поскольку в нем знаменательное существительное сказуемого имеет ж. р., что согласование в ОП остается независимым от рода знаменательного существительного сказуемого БеПИТ.

6. Шен. Лейп. 3.60.3 = Шен. Амел. 1.360.8:

у-ро-те е-ун-хах на-бок ехун е-п-онх ебол хитоот-с ‘она — дверь (м. р.), через которую (ж. р.) многие войдут в жизнь’.

7. Шен. Лейп. 3.60.7 = Шен. Амел. 1.360.11:

у-собт-те е-ун-у-собт ктеу еро-с ‘она — стена (м. р.), окруженная (ж. р.) стеной’.

8. Шен. Лейп. 3.61.4 = Шен. Амел. 1362.3:

у-(у)ойн те е-с-мооше хм-п-уойн нта-ф-и е-п-космос ‘она — свет (м. р.), движущийся (ж. р.) в свете, пришедшем (м. р.) к миру’.

Этот пример ценен тем, что содержит два случая употребления существительного *уойн* ‘свет’ м. р. с определительным к нему П: в первом случае, где оно является знаменательной составной частью сказуемого БеПИТ, согласованием ОП игнорируется грамматический род существительного м. р. *уойн*; во втором случае, где *уойн* входит в состав обстоятельства места в ОП, ОП второй степени нормально ориентирует свое согласование на грамматический род этого существительного, снабженного на этот раз определенным артиклем, не дающим никакого повода к иной трактовке.

Предложение тождественного с 3.61.4 оформления, только без ОП второй степени, читается там же 3.58.16 (= Шен. Амел. 2.357.13): *у-(у)ойн-те е-с-мооше хм-п-уойн* ‘она — свет (м. р.), движущийся (ж. р.) в свете’.

9. Шен. Лейп. 3.57.6: *у-роме де он-те е-с-мооше хи-у-хие ...* ‘и она же — человек (м. р.), идущий (ж. р.) по стезе...’

10. Шен. Лейп. 3.57.25 (=Шен. Амел. 1.356.13): *у-ках-те, е-с-ти м-пе-[с]*¹-*карпос* 'она — земля (м. р.), дающая (ж. р.) свой (ж. р.) плод (или: жатву)'.

11. Шен. Лейп. 3.58.15 (=Шен. Амел. 1.357.12): *у-к[роок] н-чо-те [а-у-чо]*² *ебол нхет-с н-у-к'роок [н]-карпос н-онх* 'она — семя (м. р.) для посева, из которого (ж. р.) посеяно семя плода жизни'.

12. Там же 3.59.5 = Шен. Амел. 1.358.13:

у-ма н-уойе гар нте-п-нуте-те, ката-тхе нта-ф-чоос нчи п-апостолос, е-с-ти-карпос е-у-онх ниленех 'ибо она — пашня (м. р.) господа, — как сказал апостол, — производящая (ж. р.) плод для вечной жизни'.

13. Там же 3.58.17, непосредственно вслед за приведенным под № 8 предложением *у-(у)ойн он-те е-с-мооше хм-п-уойн* в издании Лейпольдта читается следующее предложение, содержащее благодаря типографской погрешности несуществующее слово *роу* вместо правильного *еоу* 'сияние', читаемого в издании Амелино 1.357.14: *у-еоу-те ере-п-еоу м-п-чойс ша ечос* 'она — сияние (м. р.), на которое (ж. р.) озаряюще светит сияние Господа'.

Искусственный пример не представленного, но с несомненностью восстанавливаемого случая ОП к существительному женского рода, подсказывается материалом в следующем виде: *у-хие-пе е-ф-чи ехун е-п-онх* 'он (есть) стезя (ж. р.), ведущая (м. р.) к жизни'.

Архаичность данного рудимента в языке славословия особенно резко бьет в глаза благодаря тому, что всего девятью строками ниже последнего примера мы читаем в цитате из Песни Песней принципиально отличную, нормальную, нивелированную трактовку согласования в БеПИТ с ОП: *у-кёпос е-ф-шотм-те*. По принципу „славословия“ то же самое предложение гласило бы: *у-кёпос е-с-шотм-те*.

Кстати, по поводу среднесвязочного ПИТ с субстантивным подлежащим *та-сёне* следует заметить, что обе разновидности связочных ПИТ в памятниках одинаковой архаичности послужили бы наблюдению того же принципа согласования.

Из анализа сопоставленных примеров представляется вытекающим следующее положение.

Если в БеПИТ с энклитическим подлежащим слабо детерминированный субстантивный первый главный член — сказуемое — имеет определение в виде ОПВеГ,³ то при различном роде главных членов аффиксные показатели рода в ОП, т. е. его либо субъектный префикс, либо суффиксы глагольного или предложного управления, отличаются родом, одинаковым с родом энклитического подлежащего, а не с родом знаменательного существитель-

¹ Буква [с] не сохранилась (на ее предполагаемом месте лакуна, допускающая восстановление одной буквы). Дополняется она с полной несомненностью согласно принципу согласования, выдержанному во всех прочих примерах. Лейпольдт ошибочно дополняет [ф]. Поступая так, ему следовало заподозрить правильность написания [с] в *е-с-ти*. То, что у него получилось, не подводит ни под какой мыслимый принцип и может быть понято только как результат недодуманности.

² В этом месте, где Лейпольдт не мог прочесть четвертой буквы, он дополняет [ет-чо], нарушая, таким образом, строго соблюдаемое у Шенуте правило о зависимости оформления ОП от степени детерминации определяемого существительного. На месте обозначенной Лейпольдтом лакуны Амелино читает четыре буквы, которым отвечает наша передача [а-у-чо]. Я беру это чтение на свою ответственность, как вполне убедительное, но из осторожности пользуюсь прямыми скобками, так как случай ясности чтения для Амелино там, где Лейпольдт не распознавал ничего, совершенно необычен.

³ ОП адverbального типа в материале отсутствует, но, будучи найдено в языковом пласте одинаковой с Шенуте степени архаичности, несомненно, повело бы себя в равных условиях не иначе, чем ОПВеГ.

ного того предикатного первого главного члена, к которому ОП, по критерию смысла, относится. Поскольку на почве морфологии коптского НА различие родов отсутствует, а оформление ОП должно иметь то или иное оправдание в наличном грамматическом контексте, приходится утверждать, что, в полном противоречии с логикой смысла, в указанной синтаксической обстановке согласование ориентировано на энклитическое лично-местоименное подлежащее BeПИТ.

Это противоречие с логической точки зрения, как и с точки зрения общеизвестных правил согласования ОП, положение дела генетически может быть истолковано только с привлечением истории египетского синтаксиса, как пережиточное реагирование на то, что прецеденту НА у-ед. ч. было свойственно проявлявшееся, разумеется, и на согласовании разграничение родов. При этом суть рудимента выражается в том, что результат согласовательного функционирования прецедента НА законсервировался в таком оформлении аффиксов ОП, которое уже не находило оправдания в данном деформантисованном составе промежуточного индукента.

Настоящий пережиток в условиях сложного целого представляется исключительным по своей выпуклости примером — на этот раз, повидимому, многовекового — расхождения языковой формы с данными смыслового порядка и заслуживает быть признанным как классическое средство иллюстрации огромной подчас жизнеспособности даже самых резких явлений патологии, создающейся на почве выключения сознательного момента в языковом развитии результатами слепых, подсознательных процессов.

Будучи рассматриваем в синхронном плане, выясненный принцип согласования представляется не чем иным, как характерной чертой категории именного предложения сложно-подчиненного, в котором придаточное предложение является определительным по отношению к сказуемому подчиняющего. Надо думать, что такое ОП могло принадлежать к любому Т, а не только к BeТ, и что представленность в нашем материале только BeТ является пристоичением данной контекстной наличности.

В пределах языка Шенуте рассмотренное явление характеризует, повидимому, только эпизодически представленный языковый слой, к которому речь самого Шенуте в остальном уже не была причастна. Непричастен к нему, судя по тексту Песни Песней, также перевод Ветхого Завета, а также, вероятно, прочая коптская литература.

Не менее определенным и даже непосредственно очевидным следом субстантивного характера НА, а следовательно, изафетного характера сочетания в целом, представляется комбинирование словечек *у-* и *хен-* с такими словами или словосочетаниями, для которых мы по существу их значения никогда не станем ожидать особого показателя детерминации. Сюда относятся:

1. атрибутивные сочетания из адъективных местоимений (указательного и вопросительного значений) и существительного *мине* 'способ', 'толк', 'категория', 'род'; сочетание с указательным местоимением гласит *тей-мине* 'этот род', с вопросительным — *аш-м-мине* 'какой род'. Давно отмеченное грамматиками соединение с НА дает в ед. ч. *у-тей-мине* 'некий' (индивид, предмет) этого „рода“, 'такой (предмет или человек)', *у-аш-м-мине* 'некто или нечто какого рода?', 'какой (предмет или человек)?', во мн. ч. *хен-тей-мине* и *хен-аш-м-мине* 'некие люди или предметы этого рода' и 'люди или предметы какого рода?', 'какие?'. В обоих случаях субстантивность НА лежит, так сказать, на поверхности, и только естественно, что не существует параллельного этому употреблению применения

артиклею определенного и нулевого. Зато вполне употребительны подчинительно-определятельные, сильно-детерминированные по существу, сочетания с субстантивным так называемым „притяжательным артиклем“

$\left. \begin{array}{l} \text{па} \\ \text{та} \\ \text{на} \end{array} \right\} \text{-тей-мине}$	$\left. \begin{array}{l} \text{индивиды} \\ \text{(предметы)} \\ \text{ж. р.} \\ \text{мн. ч.} \end{array} \right\}$	такого рода
---	--	-------------

и

$\left. \begin{array}{l} \text{пай} \\ \text{тай} \\ \text{най} \end{array} \right\} \text{н-тей-мине}$	$\left. \begin{array}{l} \text{'этот (мужчина)'} \\ \text{'эта (женщина)'} \\ \text{'эти (люди)'} \end{array} \right\}$	данного рода
---	---	--------------

II. субстантивное вопросительное местоимение *у* 'что?'

В языке Шенуте мы имеем особенно хорошо представленными сочетания из *у* 'что?' и префигированных ему словечек „неопределенного артикля“: *у-у* и *хен-у*. Эти сочетания я встречал у него только в функции сказуемых BeПИТ¹ при лично-местоименных подлежащих, имеющих в случае 3-го лица энклитическую форму, а в случае лиц 1-го и 2-го — форму абсолютного личного местоимения. У меня под рукой два примера, по одному для каждого из чисел; приводя их, я должен сообщить и контекст.

1. Человека, с которым у него возникла потасовка, когда тот без спроса вторгся в пределы монастыря, Шенуте задерживает со словами *нтк-у-у*, которые я предлагаю переводить: 'ты кто такой?', 'ты что за человек? Вопрос значения 'ты — кто?' гласит по коптски: *нтк-ним?* В указанной обстановке вероятен вопрос с уничижительным оттенком ('ты — каковский?', 'ты — что за тип?').

2. Ведя речь о набеге нубийских племен на Верхний Египет, набеге, вследствие которого монастыри Шенуте наполнились десятками тысяч беженцев, он в одной из своих проповедей, произнесенных по поводу этого события, приводит в противовес ужасу, нагоняемому грабителями и убийцами на сельское население, религиозные мысли о ничтожестве перед богом всех смертных, превозносящихся в гордыне, и в таком контексте восклицает: *хен-у хооф не еѳтерф ннахрм пнуте*, что я предлагаю переводить: 'кто они такие, однако, вообще перед богом?', 'что они такое вообще представляют в глазах бога?' — опять с тем же враждебно уничижительным оттенком, как и в уже названном вопросе *нтк-у-у?*

В обоих моих примерах уничижительный оттенок вопроса проистекает, надо думать, из того, что определением к эмоционально нейтральному *у* 'один', 'некто', 'некий' служит то из вопросительных местоимений, которое, в отличие от одушевленного *ним* 'кто?', намекает на связь с неодушевленной вещью, причем наличие соответственной качественности отвечает изафетному характеру внутренней формы сочетания. Если *у-* или *хен-* относятся не к одушевленным предметам, а, следовательно, определение через *у* 'что?' не создает контраста с точки зрения одушевленности, то в сочетании *у-у* или *хен-у* и не получается почвы для оттенка уничижи-

¹ Вне Шенуте я отметил следующий пример *хен-у* для конечносвязочного ПИТ, Cheltenham. Papyruscodex 6, 20 *Н-кот* н-тхиерусалем *хен-у-не*, что Крум переводит: Was bedeuten die Gebäude Jerusalems? Но совершенно неправильно его примечание в сноске: Wörtl. sind“. Из последнего видно, что об изафете между *НА* и префиксуемым он не подозревал.

тельности: сравни Шен. Лейп. 4.198.3: Апокалипсис Синуфия *ай/нау е-уа хн-нет-уагб, а-ф-тоун, а-ф-аспазе ммоу, а-ф-сму ероу. а[й]сотм еро-ф е-ф-тауо н-хен-шаче, мйи-име, че хен-у-не* 'Я увидел одного из святых, как он встал, приветствовал их и благословил их. Я услышал, как он изрекал слова, но я не понял, что они означали (каковы они; некие (от) чего они)'.¹

Если в БеПИТ с энклитическим подлежащим или в связочном ПИТ предикатный главный член состоит из субстантивного обозначения вещества или материала, то наблюдается согласование сказуемого в числе, притом как единственном, так и множественном, и это основано не на уже древней лексической совмещаемости какого-то производного значения предикатного существительного с его первичным значением как обозначения вещества, а на субстантивно-местоименном характере „неопределенного артикля“, префигированного предикатному имени, так что согласование распространялось, по крайней мере по первоначальному восприятию, только на местоименный исторический прецедент артикля, оставляя знаменательное существительное в роли определения к нему, безотносительно к его числу.

Пример БеПИТ: Шен. Лейп. 3.60.8: *е-ун-хен-чое м-п-бол-м-п-собт, е-хен-хат-не* 'есть заслоны вне той стены, которые состоят из серебра (некие (от) серебра)'.

Сочетание из *хен* и названий металла обозначает, таким образом, некоторое неопределенное количество изделий из данного металла. Так оно употребляется не только как сказуемое ПИТ, но и в роли любого именного члена П любого Т. Но, по аналогии синтаксиса обозначений отдельных предметов, мыслящихся безотносительно к материалу в качестве образов определенных очертаний. в этих аналитических обозначениях предметов такого-то состава произошел десемантизационный за счет „артикля“ сдвиг в пользу знаменательного имени, и этот сдвиг был закреплен за именем в качестве его (теперь уже лексического) значения, что и проявляется формально в употреблении обозначений носителей данного состава в том, что они сочетаются также с артиклем определенным, и притом, между прочим, множественного числа, обозначая тогда множественность определенных соответствующих изделий. Так следует объяснять наличие у слов для понятий „золото“, „серебро“, „медь“ вторых лексических значений „золотой“, „серебрянный“, „медяк“.

Далее, из области употребления неопределенного артикля бросается в глаза тот факт, что им снабжаются в обоих числах существительное значение, которое я по примеру Гийома могу назвать конкретным импресивным. К этому семантическому разряду принадлежат весьма нередко встречающиеся у Шенуте имена со значением 'мрак' и 'свет'. Что примечательно, это именно то, что они ставятся, между прочим, во множественном числе, но, насколько я знаю, не с определенным артиклем, а только с неопределенным, причем надо оговорить, что особой формы множественного числа у самих-то лексем нет, но критерием наличной множественности служит, как по-коптски обычно, именно только артикль. Важно, что сплошь и рядом они в нулевой степени детерминации употребляются в качестве атрибутивного определения, префиксуемые тогда предлогом *н-*, точно отвечающим французскому *de* в той же роли. Кроме того, они употребляются как предикативы при глагольной связке для выражения сказуемого качественного содержания (светлый, темный, при-

¹ Сравни выше приведенный пример *хен-у* из Чельтенгамского кодекса.

надлежащий мраку в переносном смысле). И вот, с таким же значением они фигурируют в БеПИТ в составе П такого типа:

хен-уойн-не
хен-каке-не

Дословно это значило бы: 'ils sont des lumières', 'ils sont des obscurités'. Усматривать здесь, однако, *abstractum pro concreto*, видимо, возбраняет тот факт, что, как отмечено, сочетание с определенным артиклем (или, прибавим, с указательным местоимением) не допускается. Нельзя сказать *ней-уойн* или *ней-каке* 'эти светлые (или темные) личности' (силы мрака) вне предикативности. Значит, опять надо обратиться к подчинительному (изафетному) сочетанию из существительного (-местоимения) + существительное (-знаменательное) как определение первого.

Примеры. Шен. Лейп. 3.112.8—11: *Найату н-н-ет-ере-неу-хбеу уойн ммоу ебол че-хен-шерз-не м-п-уойн, уой де н-н-ет-ере-неу-хбеу уонх ммоу ебол че-хен-каке-не* 'блаженны те, чьи дела доказывают, что они — сыновья света, но горе тем, чьи дела доказывают, что они принадлежат мраку' (дословно: 'суть некоторые единицы (от) мрака'). Шен. Амел. 2.175: *хен-уойн-не нек-хбѳеу тѳру* 'все твои дела являются принадлежащими свету'.

Сходным образом можно понимать в предикатном употреблении сочетания артикля с обозначениями психических переживаний как „ужас“, „удивление“ в ПП такого состава: *у-хоте-пе чоос* дословно = 'ужас — сказать это', но точнее: 'сказать это — ужасно', 'нечто от ужаса'. *у-мойхе-те т-ке-хонбе шем*, дословно = 'чудо есть также небольшой источник', т. е. 'чудом является...', но правильнее может быть 'чудесен также небольшой источник', 'некий (от) чуда'.

Соответственно нужно расценивать и употребление в качестве сказуемых ПИТ множественного числа от других отвлеченных существительных, как, например, *осе* 'вред', с НА ср. Шен. Амел. 1.219.2: *ун-хах н-хоб... ерен-роме лобе нсоу... у монон че-хен-осе нау-не...* 'есть много вещей..., на которых люди помешаны..., — они (вещи) не только вредны им, но также...'. Если здесь перевести сочетание *хен-осе* дословно, кладя в основу неопределенный артикль мн. ч. *хен* в его позднейшей функции как показатель слабой детерминации, то получится: 'они являются вредами для них'. Вразумительное толкование даст только восприятие *хен* как существительного ('таковые' 'представители того-то') в изафете с *осе* — 'таковые от вреда', 'вредоносные', 'вредные'. Сюда же относится употребление существительного *ме* 'правда', которое в соединениях с неопределенным артиклем в обоих числах развило значение 'праведник', 'правдивый'.

Синхроническое описание данного явления должно, конечно, заключаться в констатации того, что снабженными неопределенным артиклем отвлеченными существительными в роли сказуемых ПИТ совмещается два значения: предметное и качественное.

Категорию наречий качественного значения составляют стереотипные комплексы из не меньше, чем трех вполне прозрачных элементов, из которых первые два состоят из предлога *хн* в его орудийном значении и следующего за ним элемента, этимологически тождественного с формой неопределенного артикля ед. ч. *у*; за этими вспомогательными „словообразовательными“ элементами следует знаменательная лексема — существительное отвлеченного значения.

Примеры:

<i>ком</i>	‘сила’	<i>хн-у-ком</i>	‘сильно’
<i>ме</i>	‘истина’	<i>хн-у-ме</i>	‘истинно’
<i>нишот</i>	‘упрямство’	<i>хн-у-нишот</i>	‘упрямо’
<i>мнт-чооре</i>	‘храбрость’	<i>хн-у-мнт-чооре</i>	‘храбро’

В основе образования подобных наречий не может лежать словечко *у* в качестве неопределенного артикля, т. е. как показатель одной из степеней детерминации: при попытке разгадки значений наречий таким путем у нас получилось бы только ‘путем некоторой силы’ и т. д., но не больше. Удовлетворительное объяснение получится только при предположении, что этот тип наречий создан тогда, когда *у* еще полностью обладало значением субстантивного местоимения ‘нечто’, ‘некое (одно)’, а следующее существительное квалифицировало его со стороны принадлежности; сочетание *у-ме* значило ‘нечто от истины’, т. е. нечто, характеризующее принадлежностью к истине, иначе говоря: ‘истинное’; префиксация орудийного по значению предлога *хн* безболезненно создает в качестве единого значения всего трехэлементного сочетания: ‘истинным образом’ = ‘истинно’. Сходным образом в другом примере получается наречие не через ‘путем некоей храбрости’, а ‘путем чего-то (от) храбрости’, ‘способом, относящимся к храбрости — храбро’.

Из того, что для нас выяснилось о первоначальном соотношении между прецедентом НА и сочетаемым с ним существительным в сложно-подчиненном БеПИТ, вытекает, что таким же было в прошлом взаимоотношение тех же элементов сказуемого в простом БеПИТ, не дающем со своей стороны никакого повода к рассмотрению НА под особым углом зрения. Указанный вывод неизбежен, поскольку сложное БеПИТ базировано на простом БеПИТ, говоря точнее — поскольку очевидно, что способность НА подвергаться согласованию и индуцировать согласование в ОП, независимо от знаменательного существительного сказуемого БеПИТ, — способность к функционированию через его голову, никакими судьбами не может быть в порядке причинности отнесена на счет факта присутствия ОП. Но далее ясно также, что изафетность связи между НА и знаменательным существительным в сказуемом всякого БеПИТ представляет собой частное проявление того, что изафетным характером первоначально отличалось всякое сочетание НА с голой лексемой существительного, поскольку непостижимо, каким образом изафетное взаимоотношение могло сложиться впервые в недрах сказуемого БеПИТ или любого из рассмотренных выше сочетаний.

Однако независимость рода НА от рода знаменательного существительного представляется ограниченной в том смысле, что она практически вступала в свои права при условии наличия, вне самого сочетания, того или иного индукента, будь он согласовательного порядка, в рамках данного П, или порядка контекстно-смыслового, т. е. действуя через границы предложений. Всякий же раз, когда вне сочетания никакого индукента налицо не было, роду приходилось ориентироваться проспективно на внутренние ресурсы сочетания, т. е. на род данного знаменательного существительного. Именно отсюда и проистек, думается, нормальный НА коптского языка, в русло которого затем влились, с грехом пополам, дивергентные по роду сочетания с затемненной под давлением уже перевосприятого большинства изафетностью.